

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, дом Герцена. Тел 5-30-81.

Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч.

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6, Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездиковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

с мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.,
на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 19. Понедельник, 26 августа 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

МАСТЕР ЧЕРНОВОГО ЖАНРА

О ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ ЧЕХОВА

В критической литературе часто сближаются имена Чехова и одного из его персонажей — Тригорина. Исследователи чеховского творчества не раз указывали на автобиографическое значение фигуры Тригорина, ссылаясь на то, что писательские приемы Тригорина, изложенные в знаменитом монологе второго акта «Чайки», являются приемами самого Чехова. Едва ли это утверждение в полной мере справедливо.

Подобно своему литературному персонажу, Чехов всегда наблюдал, раздумывал, заготовлял. Но в то время как Тригорин записывает внешние черточки, Чехов, как правило, фиксирует в записных книжках лишь факты большого жизненного значения. В этом прежде всего сказалась та атмосфера глубокой серьезности, которая свойственна творчеству зрелого Чехова. Облака, похожие на рояль, или запах гелиотропа, который надо упомянуть при описании летнего вечера, — этими тригоринскими записями Чехов как бы пренебрегает, оставив лишь место для записей фактов о природе человека, о стихии человеческой души. Лишь редко-редко проскользнет в чеховских записных книжках запись тригоринского типа в роде: «Едешь по Невскому, взглянешь налево на Сенную: облака цвета дыма, багровый шар заходящего солнца, — Дантов ад!» Или: «Кружева на панталонах, точно чешуя у ящерицы» — запись, использованная впоследствии в «Даме с собачкой» («...кружева на их белье казались ему тогда похожими на чешую»). Или: «А-а-а, стонало в море» (запись к «Убийству»).

Тригоринских заметок нет в записных книжках не потому, что Чехову недоставало зоркости в наблюдениях оттенков или изысканных и углубленных мелочей. Чехову в корне было чуждо то специфическое щеголянье даже наедине с собой изощренностью своей наблюдательности, столь убийственно зло осмеянной еще Достоевским в пародийном рассказе «Мерси» («Бесы»). Творец кратких монографий о человеке, Чехов менее всего стремился быть изысканным рассказчиком, расцвечивающим свои произведения вставной резьбой декоративных «тонких наблюдений».

Фактический характер записных книжек отразил ту особенность Чехова, что вызывала подчас удивление и недоумение у знавших его людей: всюду и всегда Чехов, питая жадный интерес к людям, остается внешне равнодушным к вещам. Во время путешествия по Италии спутники Чехова бегали по музеям, а он прислушивался к голосам продавщиц фиалок, заинтересовывался внезапно лысиной гида, расспрашивал проститутку, вглядывался в какого-то рослодина, который в парикмахерской пелый час подстригал бороду — «жених, или шулер?». В новых, впервые посещаемых городах Чехов не спешит осматривать здания, улицы, вообще внешний лик города. Он, по свидетельству В. Розанова, посещает места, где можно увидеть жизнь обнаженную — дома терпимости, и жизнь угасшую, раскрывающуюся в скупых эпитафиях — на кладбище.

Язык житейских фактов, подчас гиперболических, превращенных в анекдот, но всегда остающихся в своей основе маленькими «протоколами» о человеке, — этот язык подчеркивает внешнюю скупость чеховской поэтики.

В записных книжках не найти поисков внешних форм, не найти поисков фраз удачной, словесной конструкции. Только если самый факт заключен в фразу персонажа, если эта фраза в будущем рассказе займет высшую точку в развитии фабулы, тогда Чехов уже в записной книжке работает над фразой с той ювелирной тщательностью, что присуща его работе над рукописью. Об этом свидетельствуют, например, последовательные записи, разрабатывающие сюжет рассказа «Анна на шее». Но это, конечно, не поиски словесных форм, а поиски человеческого характера.

Отказ Чехова от фиксирования «черточек» связан еще с одной стороной психологического склада Чехова. Он не обладал, повидимому, особо развитой памятью на внешние факты. В своих письмах Чехов часто жалуется на плохую память. Нам представляется вполне

не достоверным свидетельство А. Куприна о том, что художественная память Чехова плохо удерживала мелкие внешние штрихи. Быть может, именно поэтому Чехов и заносил в записные книжки почти исключительно факты большого жизненного значения, опускающая самодовлеющие детали из сферы «тонких наблюдений». Не оживленные воспоминанием, они все равно явились бы мертвым грузом, не заключали бы в себе непосредственного импульса для творчества. В этом смысле можно констатировать парадокс чеховского творчества: Чехов заносил в записные книжки не то, что он забывал, а то, что лучше всего помнил.

Отсутствие мелких внешне-живописных деталей заметно отличает материал записных книжек от первоначальных черновых текстов. Черновые наброски, в противоположность отметкам записных книжек, разрабатывают с большой тщательностью декоративную часть произведения.

Чеховские записные книжки, как своеобразный жанр, имеют свою историю.

Еще гимназистом Чехов на ряду с русскими и иностранными классиками художественной литературы или столничными и юмористическими журналами читает Шопенгауэра. Цитатой из Шопенгауэра он украшает черновые материалы к своей первой крупной научной работе «История медицины в России»: — «Язык природы нам непонятен, потому что он слишком прост». Не раз упоминает он в письмах Экклезиаста, Сократа и других античных философов, истоком интереса к которым является скорее всего начитанность юного Чехова в богословской литературе. Укоряя Сенкевича в недопустимом для писателя невежестве, Чехов ставит в вину автору «Без догмата» незнакомство с Ницше.

Один из мемуаристов, поэт И. Белосусов, отмечает особый интерес Чехова к афористической литературе. Чехов медленно, с карандашом в руках, прочитывает сборники афоризмов Гейне и Гете, делает пометки на полях. Еще с большим вниманием Чехов читал «Размышления» Марка Аврелия. Эту книгу он почти 20 лет бережно хранил в своем книжном шкафу и не раз советовал своим друзьям читать ее. Экземпляр книги с многочисленными заметками Чехова сохранился до наших дней и свидетельствует о чрезвычайном внимании Чехова к этому замечательному памятнику античной философии. Следует отметить, что некоторые афоризмы Марка Аврелия причудливо воскрешаются Чеховым в «Чайке» — в тексте монолога Нины Заречной о единой мировой душе. Смелый контрапункт: ранний символизм 90-х годов — и Марк Аврелий!

Эти чтения сыграли крупную роль в выработке того превосходного афористического искусства, которым в высокой степени владел Чехов. Это мастерство далось Чехову не сразу: любопытно признание Чехова, что в период создания «Окучной Истории» он, в виде подготовительной работы, «упражнялся» в умении кратко и ясно излагать отвлеченные идеи.

Записные книжки явственно зафиксировали интерес Чехова к афористической литературе: эти черновые записки — одно из блестящих стилистических достижений Чехова, непосредственно связанные с афористическим наследием большой философской литературы. Те же афоризмы Гейне дают богатый материал для определения генезиса чеховских записных книжек, как своеобразного литературного жанра. Беглые гейневские эпитеты и человеческие силуэты — лица, похожие на зародыш в опирту, улыбающиеся походки, прекрасно причесанные, завитые мысли, женщины, пишущие анонимные письма за подписью: «Прекрасная душа» — невольно заставляют вспомнить о многих черновых записях Чехова — этого внимательного читателя афористической литературы.

Квалификация чеховских записных книжек, как своеобразного литературного жанра, выходит далеко за пределы формальной характеристики: она находится в полном соответствии с основной направленностью чеховского творчества.

А. Роскин